

— Зима с 1970-го на 1971-й год была прямой противоположностью предыдущей. Морозами и не пахло, температура была стабильно плюсовая, Атлантика гнала с северо-запада один циклон за другим. Перед Новым годом я отправился в лес близ Ульяновки за ёлкой, долго искал, залез в какие-то дебри, но ничего подходящего не попадалось. Наконец, где-то уже в районе Лысой горы, то есть километрах в двух от обсерватории, нашёл, что нужно, срубил бедняжку, а тащить её решил не лесом по горам, а спуститься к заливу и идти берегом.

— К заливу, хоть и слышно было, что он близко - шумели волны, погода была штормовая, пробивался я сквозь дремучие заросли с ёлкой на плече довольно долго, а когда пробился, остановился озадаченный. Воды с моря в залив нагнало столько, что вся песчаная береговая полоса была залита, и волны плескались о крутые склоны холмов приульяновского леса, по верхам которых я не захотел возвращаться в обсерваторию, надеясь быстрее и легче пройти берегом.

— Лезть обратно вверх у меня уже не было сил, решил продвигаться вдоль берега по склонам, рискуя свалиться в воду. Ёлку я уже не нёс на плече, а тащил волоком, изодрал её всю, извалял в песке, и когда, наконец, пробрался к пологому участку берега близ обсерватории, то вид у неё был такой страшный, что к стыду и сраму своему бросил я её тут же на берегу и отправился восвояси с пустыми руками. Потом, правда, вырубил в Ладушкинском лесу другую ёлку, а про тот поход и вспоминать не хотелось...

— Хуже же всего было то, что заливы не замерзали, да что там заливы - лужи не схватывало, а я ведь с осени уже мечтал о зимней рыбалке, вспоминая своих первых подлёдных судаков, пойманных в конце весны. Напрасно каждый день глядел я в небо, определяя по движению облаков направление ветра и ожидая каких-нибудь намёков на восточный ветер, приносящий обычно зимой холод в Прибалтику. Тучи упорно шли с запада, юго-запада, северо-запада и несли дожди или в лучшем случае мокрый снег.

— В декабре и январе, когда в университете шла сессия, и у меня свободных дней почти не было, погода ещё не так огорчала меня. А вот когда уже и экзамены все принял, и каникулы уже начались, и зимы-то всего месяц остался, я ждал ледостава каждый день со всё нарастающим нетерпением и ... так и не дождался. Это был на моей памяти первый и единственный зимний сезон в Калининграде, когда заливы не замерзали, и я остался без подлёдной рыбалки. Пришлось удовлетворяться поездками с летними удочками на Прохладную, где, впрочем, неплохо ловилась плотва, но я то мечтал о судаках, чёрт побери!

— Ну, да ладно. Зато на работе я не скучал. Чтобы войти в курс дел по ионосферному моделированию, я взялся за литературу, отталкиваясь от списка статей, который оставил Осипов. Проштудировал сначала отечественные работы, их оказалось не так много, в основном - работы иркутян: профессора Полякова из Иркутского университета и его учеников - Климова, Кринберга, Щепкина. За рубежом же теоретическим моделированием ионосферы занимались и американцы, и западные немцы, и японцы, и англичане, и индусы, и бог знает, кто ещё: Ришбет, Шимазаки, Бэнкс, Герман и Чандра, Рюстер, Штуббе и т.д., и т.п.

— Я стал делать подробные письменные переводы с английского их статей, последовательно заполняя ими одну конторскую книгу за другой. При таком способе изучения литературы времени на ознакомление с каждой статьёй уходит, конечно, намного больше, чем просто при их чтении. Но усвоение материала у меня при этом шло лучше, основательнее, тем более, что предмет был нов для меня, мне ещё было неясно, на что можно не обращать особого внимания и пропускать при чтении, и я пытался понять буквально каждую фразу. Для письменных переводов я отбирал статьи обобщающего характера, а они, как правило, были объёмисты, и при моём доморощенном знании английского на перевод одной статьи уходило несколько дней. Особенно медленно я

продвигался вначале, когда масса новых терминов и непривычное использование глаголов заставляли часто обращаться к словарю. Потом же дело пошло значительно быстрее, и вскоре всю специальную литературу я переводил, обращаясь к словарю считанное число раз на страницу текста. Существенным достоинством такого подхода было ещё и то, что у меня составлялась личная библиотека из всей необходимой литературы на русском языке, которая всегда была под рукой (делать копии оригиналов статей тогда было не на чем, а когда в обсерватории появилась электрокопировальная установка "ЭРА", делать письменные переводы я стал всё реже и реже, тем более, что и читать английские тексты становилось всё легче).

— Помогало мне в это время и то, что четверокурсникам кафедры Гострема (Шевчуку и К^о) я читал теперь лекции по физике ионосферы, опираясь, в основном, на конспекты лекций Бориса Евгеньевича, читанных нам в ЛГУ, изучая сам заново его лекции и уделяя особое внимание тем вопросам, с которыми сталкивался при чтении статей по моделированию ионосферы. В качестве курсовых работ я давал студентам разбирать по литературе отдельные вопросы ионосферного моделирования, надеясь в будущем подготовить кого-нибудь из них для научной работы в этом направлении, но пока от них толку было мало. Тем, кто изучал английский, я поручал делать переводы статей, но они им давались туго, особых способностей и инициативы не проявляли даже Махоркин с Шибавым, не говоря уж об остальных.

— Мои новые соратники - Латышев, Никитин, Захаров, Багно тоже пока в основном работали с литературой, но им было намного труднее, чем мне, из-за незнания геофизики. А ведь они мечтали о диссертациях и рвались к конкретной работе по своим, собственным темам, которые ещё предстояло определить. В этом отношении они надеялись на Осипова, который обещал наезжать в Калининград и помогать каждому в его индивидуальной работе. На Гострема рассчитывать не приходилось. Похоже было, что, если не считать оргвопросов, проблемы ионосферного моделирования его абсолютно не интересовали, хотя он и не пропускал проводившиеся нами семинары, на которых мы обсуждали проработанную литературу, и даже запрещал их проводить в своё отсутствие.

— Я же к руководству на месте, которого от меня ждал Осипов, был пока ещё не готов. Всё, что я мог и делал - делился с ребятами узанным и понятным, обсуждал непонятные места, отдавал им свои переводы. Но совместной работы не получалось. Более того, наметилось какое-то расползание в разные стороны. Юра Багно поступил в аспирантуру к Гострему, но фактически под научное руководство Осипова, и занялся самой нижней частью ионосферы - областью Д, а точнее, выяснением роли аэрозоль в фотохимии этой области ионосферы. Миша Никитин выбрал себе самую внешнюю часть ионосферы - протоносферу и изучал литературу о ней. Костя Латышев мечтал завершить свои баллистические расчёты для диссертации, но в университете не было своей ЭВМ, и считать было не на чем, а пока он осваивал по просьбе Осипова методы решения уравнений кинетики для нижней ионосферы. Л(ня) Захаров изучал методику расчётов скоростей фотоионизации, необходимых в любых работах по ионосферному моделированию. На мне же висела область F2 - область главного ионосферного максимума, как её называют, расположенная на высотах от 200 до 500 км, где максимально содержание заряженных частиц. Такое разделение в рамках единой темы "Квадрат" (или ДМИ по-несекретному) было предложено Осиповым и одобрено Гостремом. Между собой все эти направления пока никак не стыковались, и как строить единую модель среднеширотной ионосферы, которая требовалась по техническому заданию договора, было всё ещё неясно.

— С ребятами - "модельерами" я встречался обычно в университете, когда ездил туда проводить занятия, и где бывал теперь чаще, чем в обсерватории. Занятия у меня обычно были с утра, а после обеда - официальные или неофициальные научные семинары и возня со всякими гостремовскими бумажками, которыми тот по-прежнему нагружал меня, как я от этого ни отбивался. Я считал, что теперь выполнение мною секретарских обязанностей

идёт в ущерб моей основной преподавательской и научной работе, протестовал и вступал в конфликты с Гостремом. Он злился, но потом отходил.

—После работы в университете я частенько заходил попить кофейку к Лебле в общежитие или шёл с ребятами пить пиво, до которого они были большими любителями, а лучше сказать - профессионалами. Взаимоотношения у нас были меж всеми самые дружеские, компания была весёлая и мне нравилась. Проблемы политики и философии её не интересовали, тут им было всё ясно, не в официально-пропагандистском смысле, конечно, а наоборот, но обсуждать серьёзно эти проблемы их не тянуло - какой смысл? Всё равно ничего не изменишь, относись ко всему с юмором - да и только. Литература и музыка, в отличие от Кондратьева и Лебле, их тоже особенно не волновали, все они были люди уже женатые, волновались лишь по поводу будущих диссертаций и любили пить пиво, а при случае и что покрепче. Гострема они особенно не чтили, но побаивались. Конечно, их нельзя было сравнивать с Димулей, Славиком или Юрой Мальцевым, но и то, что они были ребята толковые, компанейские, с юмором, вполне меня привлекало.

([продолжение следует](#))